

А.В. Скоробогатов,

профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор исторических наук, доцент

Особенности правового развития в современных условиях определяют необходимость преодоления узконормативного подхода к познанию правовой сферы. Все больше становится понятным, что классическое нормативное правопонимание неспособно адекватно объяснить правовую реальность во всем ее многообразии.

Постклассическое правопонимание акцентирует внимание на том, что правовая реальность не ограничивается лишь бытованием нормы права (правотворчество и правореализация), но включает также правовое поведение, сущность и содержание которого определяются не столько нормативно, сколько ценностно [5]. Аксиологический подход к правовой реальности не ограничивается исключительно правовым поведением, но и предполагает необходимость по-иному взглянуть на правотворчество и правореализацию, рассмотреть эти явления не только с позиции государства, но и с позиции индивида.

Современная правовая реальность является сложной полиструктурным образованием, которое находится в непрерывном движении. С одной стороны, она может рассматриваться онтологически как особая правовая конструкция, определяющая правовое поведение субъектов, но с другой – правовые ценности субъектов определяют не только их правосознание, но и правовое поведение, тем самым влияя на содержание правовой реальности. Рефлексия правовой реальности в сознании субъекта предполагает формирование определенных образов [2], включающих в себя не только рациональные, но и иррациональные мифологические элементы.

Комфортность правового бытия априори предполагает, что субъект должен сформировать внутренне непротиворечивый цельный образ реальности, который должен быть максимально беспробельным и бесколлизийным. Наличие в образе правовой реальности пробелов или коллизий между отдельными его элементами порождает ее трансгрессивность, фрагментарность, преодоление которой возможно на основе правовых мифов. К таковым можно отнести миф о правах человека. На практике такой образ может быть сформирован не только в сознании человека, но и в законодательстве. В этом случае стабильность и позитивный характер развития правовой реальности будет зависеть от степени непротиворечивости социального и нормативного образа порядка.

Каждая эпоха имеет свои характерные мифологемы, которые концентрируют общие, коллективные представления людей о том, как «должно быть», производя определенные стереотипы, способные влиять на идеологию, мышление и поведение людей определенного общества (локального сообщества). Такие мифологемы внедряются и живут в глубинах правовой ментальности, формируя определенные архетипы поведения [6]. Зачастую правовые мифологемы связаны

не с архетипом данного общества, а являются результатом правового трансфера, как это произошло с идеей прав человека, которая была привнесена на постсоветское пространство в качестве одного из важнейших элементов политического позиционирования демократичности государственных образований, сформировавшихся после распада СССР. При этом совершенно не учитывалась национальная правовая традиция, связанная с приоритетом коллективных ценностей над индивидуальными и сакрализованным отношением к власти.

Десакрализация образа власти при одновременном ослаблении государственного механизма, что позиционировалось как усиление демократического начала в управлении и повороте государства лицом к человеку, в т.ч. и путем формального конституционного закрепления и гарантирования прав человека, привела к усилению трансгрессивного состояния правовой реальности. Результатом стало смещение акцентов в уровнях правовой реальности, среди которых на первое место в сознании и действиях человека приобретает правовое поведение. Десакрализация образа власти стала рассматриваться как ослабление государства, что способствовало разрешению конфликтов с помощью неформальных авторитетов и социального, а зачастую и индивидуального права. При этом вопрос о том, насколько при этом соблюдаются права человека совершенно не стоял. Более значимым было удовлетворение его экономических или социальных потребностей.

Теория естественных прав человека, возникнув в раннее новое время, была тесным образом связана со средневековой схоластикой и протестантским вариантом христианства. С одной стороны, для нее характерны вера и убежденность в существовании естественных прав человека (при этом не разделяется их моральное и юридическое понимание), с другой – убежденность в необходимости их рационального обоснования природой человека (правда, аргументы опираются на априорную теорию естественного состояния человека).

Имеющиеся попытки полностью рационально проанализировать естественные права, дать им строгое, логически выверенное определение, неизменно оставляют чувство незаконченности и неточности. Это связано с тем, что при любых попытках дать точную дефиницию исследователь оказывается не в состоянии элиминировать характерную для правосознания ценностную составляющую. Поэтому рассмотрение универсальности действия прав человека автоматически переходит на исследование универсальности ценности прав человека.

Аксиологическое изучение этой категории показывает, что составляющие ее свобода, равенство, собственность, право на жизнь, право на безопасность и неприкосновенность личности не являются универсальными ценностями, будучи присущими лишь секуляризованному индивидуалистическому сознанию западной цивилизации Нового и Новейшего времени. Для других цивилизаций, как прошлого, так и настоящего, характерно совершенно иная дефиниция этих понятий, наполнение их иным содержанием. Как следствие, их ценность оказывается не столь актуализированной в правовой жизни общества и индивида. На первом месте оказываются интересы общества, порядка и стабильности, для которых индивидуальные права каждого человека не просто не соответствуют общей идее, но и несут ей прямую угрозу.

Как показывают современные философско-правовые исследования, теория естественного права, как в субъективном, так и в объективном смысле, не соот-

ветствует не только правосознанию, но и системе права [1]. Для обществ с четко структурированной системой права, к каковым, безусловно, можно отнести и Россию, место естественного права в правовом регулировании не определено. Несмотря на заявленный в Конституции РФ приоритет естественного права над национальным позитивным правом [4], оно не является самостоятельной отраслью права, занимая по отношению к остальным своеобразную «перпендикулярную» позицию. Следствием этого можно считать не столько нормативное, сколько ценностное отношение к естественному праву не только на уровне обыденного, но в не меньшей степени профессионального и доктринального правосознания. Тем самым идея естественного права становится не столько юридическим аргументом, сколько правовым мифом.

Правовой миф всегда догматичен и авторитарен, он диктует «как надо», «как должно», имея целью создать образ правовой реальности, который сочетался бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания. Особенностью правового мифа прав человека является то, что его создание и распространение связано не столько с индивидом, сколько с государством, которое пытается распространить эти идеи, тем самым зарабатывает дивиденды в международном сообществе. Однако, как показывает политическая практика, доказать соблюдение прав человека чрезвычайно сложно, а получить международное признание их несоблюдения достаточно просто, поскольку это является разменной монетой на пути создания однополярного мира. Не случайно именно нарушения прав человека стали одной из причин вторжения в Югославию, Ирак, Ливию и т.д. Обвинения в несоблюдении прав человека постоянно слышатся в адрес России со стороны правозащитников и западных лидеров. В тоже время, как показывают социологические опросы, для большинства российских граждан на первом месте стоят не права человека, а определенные социальные гарантии, реализация которых возможна лишь при сильном государстве. Именно с этим связана ностальгия по сталинизму и высокий рейтинг доверия к действующему Президенту Российской Федерации.

В основе любого правового мифа всегда находится некий ценностный ориентир. Ценностные ориентации формируются в процессе взаимодействия с теми или иными сторонами действительности, с системой знаний, информации, правовыми нормами: они направлены на выработку поведения; в то же время ценностные установки – это более устойчивая и относительно узкая часть ценностных ориентации, которая определяет направление субъекта на конкретные ценности в той или иной ситуации. Мифологизация правовых ценностей сопровождается филиацией и выступает ее внешним оформлением. Правовая мифология является средством конструирования доминирующими агентами некоторой особенной целостности. Эта целостность должна создаваться не как рациональная идея, а как образ реального, конструируемого как желательное, что требует единодушия в социальной оценке правовых и политических феноменов. Отсюда, основная цель правовых мифов – генерирование непротиворечивой совокупности взглядов и мыслей по поводу мифологизированного явления [3]. Это превращает правовой миф в своеобразную матрицу, которая, накладываясь на реальную правовую ситуацию, служит своеобразным эталоном и оценки, и, в известном смысле, формирует саму правовую норму, точнее говоря, отношение к ней.

Правовые мифы обеспечивают аккумуляцию конкретного правового опыта, полученного в ситуациях, оцениваемых с помощью архетипа, и их воспроизводство в правовой идеологии, правовых процедурах и ритуалах. Правовой миф выполняет функцию, с помощью которой возникает своеобразный информационный канал, обеспечивающий взаимосвязь между правовой психологией, выражающей эту связь в символах правовых процедур и ритуалов.

Правовой миф выполняет роль своеобразного критерия истинности, справедливости, с помощью которого оцениваются вновь вводящиеся правовые нормы, правоприменительная практика и т.п. Через правовой миф «должное», желаемое и ожидаемое, зафиксированное в его образах и выражающее общественные и индивидуальные интересы и потребности, применяется к оценке настоящего. В той степени, в которой в правовой реальности можно обнаружить пусть и неявные признаки этих образов, она получает спектр различных оценок в массовом сознании: от положительных до крайне отрицательных, протестных.

Правовой миф имеет позитивное значение только в том случае, если он соответствует национальной правовой традиции и присутствует в правосознании индивида благодаря социальному правовому опыту. В случае с правами человека произошло «все наоборот». Не соответствуя национальной правовой традиции, они априори не могут занять место ведущей правовой ценности в правосознании и правовом поведении индивида, социальных групп и общества, а отсутствие четко очерченного места естественного права в системе российского права не позволяет правоприменителю не только последовательно их применять на практике, тем самым оказывая влияние на правовое поведение, но и использовать в правовой социализации, влияя на социальный правовой опыт.

Исходя из этого, идею прав человека, как правовой миф, можно считать лишь идеологическим источником современного права, не имеющим прямого действия. Восприятие этого правового мифа и его идентификация в качестве «своего», «своему» народу или «своей» общности возможно только в случае более четкого нормативного оформления его места в системе права и целенаправленной государственной политике по правовой социализации, ведущим элементом которой будет принуждение с целью изменить систему традиционных правовых ценностей и сформировать принципиально иной характер социального правового опыта. Однако применение этих средств не соответствует закрепленному в Конституции Российской Федерации статусу России как демократического, правового, социального государства.

Список использованных источников:

1. Баландина, Э.Г. Мифема естественного права / Э.Г. Мифема // Новая правовая мысль. 2006. № 3. – С. 53–58.
2. Оборотов, Ю. Н. Образы государств в глобализующемся мире / Ю.Н. Оборотов // Закон и жизнь. – 2004. – № 8. – С. 4–8.
3. Рязанова, С. В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин / С. В. Рязанова // Обществ. науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 86–96.
4. Скоробогатов, А.В. Практический потенциал естественно-правовой теории в условиях современной российской правовой реальности / А.В. Скоробогатов // Права

человека и правоохранительная деятельность / отв. ред. В.Б. Шабанов. — Минск: Акад. МВД, 2013. С. 208–211.

5. Скоробогатов, А.В., Краснов, А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ / А.В. Скоробогатов // Российский журнал правовых исследований. — 2015. — № 1(2). — С. 79–85.

6. Скоробогатов, А.В., Краснов, А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание / А.В. Скоробогатов // Российский журнал правовых исследований. — 2015. № 4(5). — С. 28–33.

УДК 341.231.14

WOMEN'S RIGHTS: PAST AND PRESENT

Е.С. Степаненко,

инспектор таможни «Минск-2»

Human rights are an essential element of the legal status. Observance of human rights is one of the most important objectives and values of the modern state. Equality between women and men is an indicator of a developed society.

For the first time women have shown their organization as a political force at the end of the XIX century. The public movement for women's equality was formed a long time and is made up of such periods, as women's suffrage (XIX-XX centuries), the liberal and radical feminism (1960-1980). And only in the late 80-ies of the XX century, feminism has become a part of the democratic socio-political systems and public policy in the developed countries of Europe and America [1].

Despite the fact that since the publication in 1949 of the book of the French writer and philosopher Simone de Beauvoir's «The Second Sex» has been more than half a century, the issues that it considered in his work remained relevant to this day – «How can realize himself a human being in the position of women? What ways are open to him? Which ones are dead ends? How to gain independence within dependence? What circumstances limit the freedom of women and whether it can overcome them?». Simone de Beauvoir defined them, «not based on the concept of «happiness» but the concept of «freedom» [2].

In modern society, no doubt these issues are analyzed and resolved in a certain sense but completely right?

United Nations Population Fund in the review of the gender situation, said: «Gender biases, fixing the benefits of either sex, are present in all areas of our lives. Often, the only explanation is an established tradition. Overcoming gender differences is as important for the men as for women» [3].

The term «gender inequality» refers to the characteristic of social organization, according to which different social groups (in this case – men and women) have a persistent differences and the resulting unequal opportunities in society [4].

The United Nations classifies gender issues to the category of global and encourages States to modify existing gender model, preserving a system of unequal values and double standards. Currently, there are even integral index, which reflects the